

Ominayashi

*Золотой
дождь
над*

Холмсом-на-Холме

Ominayashi

**Золотой дождь над
Холмсом-на-Холме**

«Автор»

2026

Ominayashi

Золотой дождь над Холмсом-на-Холме / Ominayashi — «Автор», 2026

В туманной английской деревне Холмс-на-Холме из поместья Блэквуд-Холл исчезает коллекция золотых украшений — без взлома, без свидетелей, без единой нити. Детектив по имени Фауст — человек в сером пальто, с привычкой разговаривать с самим собой и доводить каждое дело до конца — берётся за расследование вместе со своей напарницей Нори, тихой и наблюдательной, которая видит то, что другие пропускают: след каблука на ковре, запах уличного дождя на внутренней лестнице, пустой конверт с остатками сургучной печати. Постепенно выясняется, что кража у Блэквудов — не первая: за два года пять богатых домов в радиусе шестидесяти миль лишились золота одинаковым способом, и каждый раз за полгода до кражи в доме появлялся новый работник, а потом бесследно исчезал. Это декоративный, ироничный английский детектив о тумане, тайнах старых поместий и о том, как два человека, смотрящих в одну сторону, когда все остальные смотрят в другую, складывают мозаику из следов, пауз и нарушенного порядка.

© Ominayashi, 2026

© Автор, 2026

Ominayashi

Золотой дождь над Холмсом-на-Холме

Золотой дождь над Холмсом-на-Холме

Глава первая, в которой появляется туман, а вместе с ним — дело

В Англии туман никогда не бывает просто туманом. Он всегда означает что-то ещё — если не кражу со взломом, то хотя бы опоздание поезда. В тот день, когда Фауст впервые увидел поместье Блэквуд-Холл, туман был особенным: густым, как шерсть старого кота, и пахнущим мокрым камнем, торфом и чем-то неуловимо сладким — то ли жжёным сахаром, то ли старыми воспоминаниями.

Фауст вышел из такси, поправил воротник пальто и некоторое время стоял, глядя на дом. Дом был уродлив и великолепен одновременно — кирпич, растрескавшийся от времени, как старая эмаль на любимой кружке, башенки, которые торчали из крыши, как уши насторожившегося терьера, и плющ, который, казалось, был не украшением, а единственной причиной, по которой стена до сих пор не рухнула.

— Ну, — сказал Фауст сам себе, потому что Нори ещё не подошла, — вот и я тут.

Он говорил такие вещи, когда волновался. Говорить с самим собой было его маленькой слабостью, и он её прекрасно знал, и даже находил в ней что-то трогательное — будто внутри него жил ещё один человек, который его не судил.

Дело было простым и оттого раздражающим. Семья Блэквудов — а как же, Блэквуды, одни из тех Блэквудов, чьё имя в этих краях произносили с тем особенным выражением, с которым произносят названия породистых собак — обнаружили утром, что из их домашней сокровищницы пропала коллекция золотых украшений. Не вся, разумеется, а только самое ценное: викторианское ожерелье с гранатами, пара браслетов работы Чивелла, золотой гребень с черепаховой вставкой и — что особенно огорчало леди Блэквуд — обручальное кольцо её покойной матери, тонкое, с гравировкой «Пока смерть не разлучит», которое было не столько дорого, сколько безвозвратно.

Полиция прибыла, осмотрела, развела руками. Замки не тронуты. Стёкла целы. Садовник ничего не видел. Горничная тоже. Повар тоже. Конюх — а тут ещё был и конюх, потому что Блэквуды держали двух лошадей скорее по привычке, чем из нужды — тоже не видел. Словно кто-то взял и прошёл сквозь стены, как привидение, что в Англии, вообще-то, не редкость, но обычно привидения не интересуются ювелирными изделиями.

И тогда вызвали Фауста.

Фауст не был из тех детективов, которые носят клетчатые кепки и курят трубку. Он был из тех, кто носит длинное серое пальто с потёртым воротником, пьёт слишком крепкий чай и имеет привычку задавать вопросы, которые поначалу кажутся бессмысленными, а потом оказываются единственными, которые имели значение. Его звали странно — Фауст, — и он сам не знал, было ли это имя данное или выбранное, и давно перестал об этом думать. В крайнем случае, думал он, имя — это просто ярлык, который вешают на банку, чтобы знать, что внутри. А внутри него было примерно следующее: сорок два года, разведен, одна дочь, которую он видел по воскресеньям, привычка засыпать с книгой и просыпаться с ней на полу, и невероятное, почти болезненное упорство, с которым он доводил каждое дело до конца.

Нори появилась без шума — она вообще всё делала без шума. Фауст обернулся на звук шагов по гравии и увидел её: невысокая, в тёмно-синем пальто, с сумкой через плечо, в которой, как он знал, лежали блокнот, несколько прозрачных пакетов для улики, маленькая лупа, моток бечёвки, пара перчаток и шоколадный батончик — на случай, если расследование затянется, а оно всегда затягивалось.

— Доброе утро, — сказала Нори. — Туман, однако.

— Однако, — согласился Фауст.

Они были знакомы второй год. Нори пришла к нему по рекомендации одного знакомого следователя, который сказал: «Она тихая, но она видит то, что другие пропускают. Если тебе нужен кто-то для улики — она лучшая». Фауст тогда посмотрел на неё — маленькая, серьёзная, с тёмными глазами, в которых, казалось, отражалось не то, что перед ними, а то, что было здесь час назад — и сказал: «Когда начнём?» С тех пор они работали вместе, и Фауст постепенно, не то чтобы осознал, а скорее привыкал к тому, что Нори была единственным человеком, рядом с которым он чувствовал себя на своём месте. Это не было любовью — или, во всяком случае, он так думал. Это было что-то более фундаментальное и менее понятное, чем любовь: доверие, которое возникает между людьми, которые вместе смотрят в одну сторону, когда все остальные смотрят в другую.

Глава вторая, в которой Нори задаёт вопросы, а стены отвечают

Внутри Блэквуд-Холл пах старым деревом, пчелиным воском и тревогой. Леди Блэквуд — породная женщина с лицом, которое когда-то было красивым, а теперь стало значительным, — сидела в гостиной, обложенная подушками, и смотрела на Фауста с тем выражением, с каким смотрят на дантиста: с уважением, страхом и надеждой, что он уйдёт поскорее.

Сэр Генри Блэквуд, её муж, стоял у камина, заложив руки за спину, и делал вид, что ему всё равно, хотя ему не было всё равно, потому что он то и дело дотрагивался до своего запястья — там, где обычно носил часы, которые, к слову, не пропали, но жест был красноречив.

— Я задам несколько вопросов, — сказал Фауст. — Некоторые могут показаться странными. Прошу отвечать так, как есть, даже если кажется, что это не имеет значения.

— Спрашивайте, — сказал сэр Генри.

— Когда вы в последний раз видели пропавшие вещи?

— Третьего дня. Маргарет надевала ожерелье к ужину. Я помню, потому что сказал, что гранаты смотрятся мрачно, а она ответила, что мрачно — это не значит плохо.

— А кольцо?

Леди Блэквуд прижала платок к губам.

— Кольцо матери. Я держала его в шкатулке на туалетном столике. Проверяла каждый вечер. Это привычка. Просто... привычка.

— Вы проверяли его накануне?

— Да. В среду вечером. Оно было на месте.

— А утром в четверг?

— Утром в четверг его уже не было.

Фауст кивнул и посмотрел на Нори. Нори уже стояла у двери, слегка наклонив голову — она всегда так делала, когда прислушивалась не к словам, а к тому, что между ними: к паузам, к интонациям, к тем звукам, которые люди издают, когда лгут или когда боятся правды.

Пока Фауст разговаривал с Блэквудами, Нори отправилась осматривать дом. Она двигалась медленно, как река в равнинной местности — неторопливо, но неотвратно. Комната за комнатой. Прикасалась к дверным ручкам, изучала подоконники, заглядывала под мебель. Она знала, что улики — это не отпечатки пальцев и не обрывки ниток, хотя и они тоже. Улики — это нарушения порядка. Трещина в привычке. Вот стул стоит не там, где его обычно ставят. Вот на каминной полке сдвинута рамка с фотографией. Вот на ковре — след, который не похож на следы обитателей дома, потому что он слишком маленький, и не похож на след горничной, потому что горничная носит обувь на плоской подошве, а этот след оставлен каблуком, узким и высоким.

Нори присела, достала лупу, потом блокнот. Зарисовала след. Потом поднялась и пошла по коридору дальше, к задней лестнице — той, которой пользовалась прислуга. Лестница была

узкая, с истёртыми ковровыми дорожками, и пахла — Нори не могла не заметить — не тем, чем должна пахнуть лестница, по которой ходят только люди, живущие в доме. Она пахла дождём. Свежим, уличным дождём. Внутри дома, где все окна закрыты, а пол протёрт воском.

— Кто-то приходил, — прошептала Нори. Не Фаусту. Себе. Стенам. Воздуху.

Она поднялась по лестнице на второй этаж, потом по более узкой — на третий, в комнаты для прислуги. Дверь одной из них была приоткрыта. Нори толкнула её пальцем — не рукой, пальцем, одним, потому что была аккуратна, как хирург. Комната была маленькая, чистая, пустая. Ситцевые занавески на окне, железная кровать, тумбочка. На тумбочке — ничего. Но Нори видела, что на тумбочке что-то стояло: круглая пыльная отметина, которая означала, что здесь была кружка или банка, и её недавно убрали. В мусорной корзине — пусто. В ящике тумбочки — ничего, кроме старого конверта без адреса.

Нори положила конверт в прозрачный пакет. Потом подошла к окну. Из окна виден был сад — мокрый, серый, английский сад, в котором кусты роз стояли, как мокрые коты, не знающие, куда деться от собственного достоинства. За садом — поле, за полем — изгородь, за изгородью — дорога. Дорога была пуста, но на обочине, у самой изгороди, Нори заметила следы шин — глубокие, свежие, оставленные тяжёлой машиной, которая, судя по рисунку протектора, не была ни такси, ни доставкой, ни фермерским грузовиком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.